

Елена Скугарь

Кот маленькой ведьмы

Елена Скугарь

Кот маленькой ведьмы

<https://litres.ru/74052959>

SelfPub; 2026

Аннотация

Городское фэнтези с ироничным котом-рассказчиком, семейными тайнами и магией, которая работает по правилам. Атмосфера уютного города, где ведьмы держат травяные лавки, призраки комментируют быт, а старые тайны не умирают — они просто ждут, пока кто-то задаст правильный вопрос.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Елена Скугарь

Кот маленькой ведьмы

Глава 1

Не люблю я пафосные вступления. «Меня зовут» и прочая человеческая суета. Поэтому скажу просто: я Моррис. Кот. Призрак. Последнее — не жалоба, а констатация факта. Да, полупрозрачный, да, невидимый для обычных людей, но всё ещё деятельный.

Живу в лавке Вороновых, присматриваю за порядком, а заодно — за одной конкретной ведьмой, которая способна этот порядок нарушить быстрее, чем я успеваю сказать «не надо».

Знакомьтесь — Агата Воронова, шестнадцати лет от роду. Потомственная ведьма, а выглядит так, будто её собрали из остатков чужого гардероба: свитер явно с чьего-то плеча, джинсы с художественными дырками и взгляд «я знаю, что ты скажешь, и нет, делать не буду».

Моя работа — следить, чтобы она не взорвала дом, не поверила в очередную чушь про «магию для чайников» и не угробила себя из-за врождённого благородства. Работа несложная, но нервная.

Сейчас она сидит на подоконнике в бабушкиной лавке,

гreet пятки о батарею и делает вид, что читает. На самом деле витает в облаках — я хвостом чувствую. Хвост у меня, к слову, всё ещё есть, хоть и полупрозрачный.

В лавке пахнет шалфеем, пылью и Wi-Fi роутером, который бабушка спрятала за банками с травами — «чтоб не портил энергетику».

Ага, как же.

Стеллажи уставлены склянками, под потолком висят пучки полыни, а на прилавке соседствуют старинные медные весы и современный кассовый терминал, который периодически глючит — видимо, не выносит магического фона.

Рядом с Агатой стоит горшок с розмарином, который она опять забыла полить. Земля потрескалась, как кожа после зимы. Я не напоминаю — пусть учится ответственности, а то привыкла, что бабушка всё исправит.

— Опять ты тут, — пробурчала она, не поднимая глаз от книги. Пальцы машинально теребят уголок страницы; видно, что мыслями она где-то в другом месте

— А где мне быть? На форуме «Права призраков Подмосковья»?

Она фыркает и тут же прячется за книжкой, но уголок рта предательски дёргается.

Из подсобки доносится тихий звон стекла: бабушка Лидия колдует над настойками. У неё такой характер, что даже пауки в углах ведут себя прилично. Пауков, кстати, нет — но если бы завелись, ходили бы строем.

Лидия Воронова — ведьма старой закалки. Никаких ароматических свечей «на успех», никаких мантр «как покорить мир за тридцать дней». Только чёткие принципы: «Не можешь удержать защиту — не лезь в круг», «Сначала теория, потом практика» и «Агата, убери телефон, когда я с тобой говорю».

Мать Агаты сейчас в мастерской. Скучно там, по моим меркам: ни сквозняков, ни мышей, ни внезапных вспышек магии. Татьяна реставратор - возвращает к жизни старые книги. Пахнет там клеем и чаем с мятой. Клиенты в её мастерской редко бывают. Не потому что работы мало — просто с каждой книгой Татьяна работает долго.

Иногда к ней заходит Дмитрий Алексеевич Князев, начальник отдела магического правопорядка. Суровый дядька. Вдовец, это Лидия быстро выяснила. Краснеет, когда Татьяна предлагает ему чай. Смешной, Смешной, но безобидный.

Вороновы — ведьмы потомственные, их род здесь жил со дня основания города, ещё когда на месте мостовой были болота, а вместо фонарей — факелы. Шурш мне рассказывал, он тут у нас самый старый, ему четыреста лет, характер, соответственно, имеет такой, что хоть святых выноси. Но чего вы хотите? За четыре столетия любое доброе намерение может превратиться в склочную привычку, и хранитель дома не исключение.

Я с удовольствием зевнул и потянулся.

Так вот, Татьяна сознательно отказалась от дара. Вычерк-

нула магию из своей жизни — и это, скажу я вам, тоже сила, причём посильнее многих заклинаний. Иногда я думаю, что Агата унаследовала от неё именно это: умение делать вид, что всё нормально, даже когда тебя ситуация дёргает за усы.

Так, что-то я задумался.

— А что ты читаешь? — решил я поддержать беседу.

— «Основы энергетических потоков», — вздохнула с тоской Агата. — Скучнее только инструкция к микроволновке.

— Зато полезнее. В прошлый раз твоя «интуитивная магия» чуть дом не спалила.

Она покраснела:

— Это был эксперимент! С полынью! Я не знала, что фен нельзя

Из-за шкафа донеслось скрипучее:

— А я тогда окна открыл! И дыма почти не было! И никто спасибо не сказал. А ты, Моррис, опять за своё — критикуешь, а сам в тот вечер на шкафу сидел и усы мыл, пока полдома дымилось.

— Я контролировал ситуацию, — отрезал я с достоинством. — Усы тут ни при чём, они всегда в идеальном состоянии, и это не обсуждается.

Шурш, хранитель дома, сегодня в образе вредного дедка. Он вообще-то не дедок, а эгрегор, но это долго объяснять. Четыреста лет на службе у рода, характер соответственно вредный, как у старого таракана. Сегодня он изображает обиженного старикана, хотя на самом деле — сгусток энер-

гии дома.

Агата снова поднимает глаза и раздражённо сдувает волосы, упавшие на лицо. Прядь упрямо возвращается на место, как будто решила, что ей тут самое место. У неё сейчас то самое выражение: упрямство пополам с усталостью. Шестнадцать лет, а взгляд как у человека, который уже понял: никто не придёт и не скажет, как правильно.

— Знаешь, что самое паршивое? — неожиданно сказала она. — Читаю эти умные книжки, пытаюсь разобраться, как всё устроено, а потом смотрю на бабушку и думаю: а вдруг она тоже не всё понимает?

О! Прогресс.

— Наконец-то дошло. А я думал, ты до тридцати будешь свято верить в «древнюю мудрость предков».

— Ты циник.

— Я кот. Это одно и то же.

Она засмеялась — впервые за день по-настоящему. Сразу видно, какая на самом деле: быстрая, живая, остро реагирующая на несправедливость, но не ожесточённая. Пока.

День тянулся, как очередь в поликлинике. Я как раз дремал на прилавке, размышляя о тщете бытия, когда звякнул входной колокольчик.

Старый, бронзовый, с вязью по ободу — не магический, просто красивый. Звякнул знакомо и вопросительно: «Ну, кто там?»

Я приоткрыл один глаз, хотя и так знал, кто вошёл. Запах

старого табака, сырой земли и ещё чего-то неуловимо-человеческого — так пахнут только старики, которые много ходят пешком и не жалуется на погоду.

Савельич. Егор Савельевич, бывший военный фельдшер, а ныне просто пенсионер и завсегдадай. Он заходит к Лидии каждые две недели, и всегда за одним и тем же: травами от поясницы, настойкой для сна и пучком сушёной мяты «для внучки, пусть хоть чай пьёт, а не эту химию». Иногда они с Лидией пьют чай. Иногда просто перебрасываются парой фраз о городе. Я бы назвал это дружбой, но Лидия, услышав такое, скривилась бы и сказала: «Не говори глупостей, Моррис».

— Доброго дня, Лидия Петровна, — прогудел Савельич от двери, притопывая ногами, чтобы стряхнуть несуществующую грязь. Привычка у него такая: даже летом, даже в сухую погоду — притопнет, посмотрит на ботинки, будто проверяет, не прилипло ли что.

— Здравствуйте, Егор Савельевич, — отозвалась Лидия, не поднимая головы от ступки. Она как раз растирала что-то едко-зелёное, и запах у этого «что-то» был такой, что даже у меня на секунду заслезились глаза, а это, учитывая, что я призрак, говорит о многом.

Агата тем временем сползла с подоконника и спрятала книгу за спину. Я прыгнул на прилавок и уселся рядом с кассовым аппаратом. Отсюда было отлично видно и лавку, и улицу, и чайник.

— Опять полынь? — поинтересовался Савельич, кивая на ступку.

— Полынь с донником. От вашей поясницы, между прочим, — Лидия наконец оторвалась от работы и смерила его взглядом. — Вы мазь-то мою использовали?

— Использовал, — Савельич с готовностью задрал полу плаща, демонстрируя поясницу, обмотанную старым шерстяным шарфом. — Третий день уже. Отпускает.

— Отпускает его, — фыркнул я с прилавка, но, разумеется, никто ничего не услышал. Кроме, может, Шурша, но тот сегодня дремал где-то в стенах. — Конечно, отпускает. Лидия на эту мазь сил положила, а он — «использовал». Хотя бы «спасибо» сказал.

Савельич, как назло, именно это и сделал:

— Спасибо вам, Лидия Петровна. Руки у вас золотые.

Лидия хмыкнула и, кажется, даже чуть порозовела. Не часто её благодарят без попытки что-нибудь выпросить.

— Чай будете? — спросила она, уже поворачиваясь к старому электрическому чайнику.

— Если не помешаю, — просиял Савельич.

— Помешаете, — проворчал я, поудобнее устраиваясь на прилавке — но кого это волнует?

Чай Лидия заваривала особый, не из лавки, а из собственных запасов: с мятой, зверобоем и каплей мёда. Мёд она, кстати, покупала у пасечника с Верхних выселок, потому что свой в этом году не задался — пчёлы, видите ли, не перено-

сят магический фон. Я же говорю: неженки.

Пока закипал чайник, Савельич, кряхтя, устроился на стуле для посетителей, с протёртой до дыр обивкой, который Лидия всё грозилась выбросить, но так и не собралась. Стул этот помнил, кажется, ещё деда Воронова.

— Как город? — спросила Лидия, расставляя чашки, — Всё шумите?

— А когда мы не шумим? — Савельич принял чашку и с наслаждением вдохнул пар. — На прошлой неделе у храма опять цирк устроили. Молодые ведьмы из ковена экспериментировали. Хорошо хоть в соцсетях не транслировали.

— Молодые, — фыркнула Лидия. — Им бы сначала научиться контур держать, а потом уже чудить. Тем более рядом с храмом.

— Вот и я так думаю, — поддакнул Савельич. — — Ваша-то как? — Савельич кивнул на Агату, которая деловито изучала этикетку на банке с ромашкой.

— Агата — учится, — отрезала Лидия таким тоном, что любому стало бы ясно: расспросы о внучке она готова пресечь на корню. Но Савельич — старый друг, ему можно.

Агата, пользуясь моментом, снова устроилась на подоконнике и поглядывает в книгу. Савельич замечает, щурится.

— Всё читаешь? Молодец. Мой внук в твои годы только комиксы листал.

— Я не просто читаю, — Агата хмурится, но тут же смягчается, будто сама испугалась, что прозвучало слишком рез-

ко.. — Пытаюсь понять логику.

— Какую логику?

— Почему одно работает, а другое нет. В травах, в заклинаниях — она запинается, поймав строгий взгляд Лидии.

— Потому что у всего есть закон, — сухо говорит бабушка. — Если ты его не знаешь — сиди и учи. А не экспериментируй.

— Это был один раз! — возмущается Агата, но уже без огня.

— Один раз — это на один раз больше, чем нужно, — парирует Лидия, и Савельич прячет улыбку в усы.

Лидия вдруг чуть понизила голос и наклонилась вперёд:

— Иногда я думаю, не слишком ли много она на себя берёт.

Я аж ухом дернул. Лидия — и вдруг призналась, что волнуется? При постороннем? Ну, Савельич, конечно, не чужой, но всё же Кажется, зима в этом году наступит раньше.

Савельич отнёсся к этому признанию с тактом:

— А вы на свой век поменьше оглядывайтесь, Лидия Петровна. Дети — как трава. Дашь корням силы — сами дорогу найдут.

Ага, Агате волю дай — она полгорода перекопает в поисках истины. Еще и меня к этому делу припашет.

— Свобода свободой, — вздохнула Лидия, — а только Виктор тоже свободу любил. И чем это кончилось?

Она задумчиво огляделась будто искала в лавке что-то,

что могло бы объяснить всё сразу. Агата бросила короткий взгляд на бабушку и вновь уткнулась в книжку.

Имя деда повисло в воздухе,

Я позвал подмогу:

— Эй, Шурш! Что молчишь? Обычно ты первый про семейные драмы рассказываешь.

Шурш, который до этого делал вид, что спит, тут же скрипнул откуда-то из-под пола:

— Вот не надо только меня в это впутывать. Я ему говорил: «Не лезь в это дело, сиди дома, чини забор». Так нет же — «я маг, я всё рассчитал». Вот тебе и расчёт.

— Ты говорил ему это после того, как он забор сжёг, — напомнил я.

— Неважно. Главное — я предупреждал.

Савельич, почувствовав холодок, поспешил сменить тему:

— А мята у вас есть? Внучка просила.

— Есть, — Лидия поднялась, радуясь возможности отвлечься. — Сейчас соберу.

Пока она шуршала пакетами, Савельич допил чай, осторожно поставил чашку на блюдце - так, чтобы не звякнуло, — и осмотрелся

— А кот-то ваш он всё тут? Ну, в смысле, призрак ведь? — спросил он с любопытством, но без страха, как человек, который в жизни видал всякое и уже не удивляется.

Я мысленно закатил глаза. «Кот-то ваш» звучало так, будто я часть интерьера, вроде напольных весов или связки су-

шёной крапивы.

Лидия обернулась. В её взгляде и правда мелькнуло что-то похожее на нежность — совсем на секунду, пока она не вспомнила, что нежность полагается прятать за строгостью.

— Сидит, — сказала она. — И ворчит. Но пользу приносит.

— Особенно когда сидит на прилавке и пугает мышей, — добавила Агата.

— Я не пугаю мышей, я слежу за порядком! — возмутился я. — И вообще, Шурш, подтверди, что я вчера караулил, пока Лидия за травами ходила.

Из-за половицы донеслось неразборчивое, но по тону было ясно: Шурш припоминает мне прошлогодний инцидент с опрокинутой банкой.

Савельич, разумеется, меня не услышал. Но когда он вставал и забирал свой пакет с мятой, то неожиданно протянул руку. Я дёрнулся, но поздно. Его пальцы прошли сквозь меня, как сквозь туман, и Савельич тихо рассмеялся.

— И правда, призрак, — сказал он. — А всё равно кажется, что тёплый.

Я фыркнул и отвернулся. Люди. Вечно они придумывают то, чего нет.

Когда за ним закрылась дверь, и колокольчик звякнул на прощание, Лидия вернулась к столу и, глядя на пустую чашку Савельича, задумчиво сказала:

— Хороший человек. Жаль, что один.

— А ты? — спросил я взглядом и с удовольствием потянулся.

Но Лидия только покачала головой, взяла ступку и снова принялась растирать травы. Движения у неё точные, экономные, будто она не просто толкла сухие листья, а раскладывала по полочкам собственные мысли.

А я вернулся на подоконник, подставляя бок вечернему солнцу, которое пробивалось сквозь пыльное стекло и рисовало на полу жёлтые квадраты. И подумал, что, наверное, ради таких вот дней и стоит быть призраком. Тихо. Спокойно. И чай с мятой. Даже если тебе не наливают.

Вечером мы идём домой. Вернее, они идут, а я просто жду их на кухне — мне не нужно открывать двери, я просачиваюсь сквозь щели, как сквозняк. Дом Вороновых — двухэтажный, серо-голубой, с зелёными ставнями и кованым навесом над крыльцом. На ночь ставни закрывают, и в резных прорезях загорается синий свет — охранные контуры. Красиво, но Лидия говорит — не для красоты. Лавка примыкает к дому, но вход у неё отдельный, так что им нужно пройти до крыльца, минуя узкий проход, где по утрам всегда лежит длинная тень от навеса.

На кухне тепло. Татьяна уже дома, возится у плиты. Пахнет печёным и мятным чаем, который уже заварен.

Агата садится за стол и мать ставит перед ней тарелку, не спрашивая, голодна ли. Это у них такой ритуал.

— Как книга? — спрашивает Агата, и её рука тянется к

сахарнице, чтобы добавить в чай две ложки, хотя бабушка всегда говорит, что одну достаточно. — Та, что привезли из области?

— Сказки семнадцатого века, — Татьяна помешивает что-то в кастрюле, и ложка тихо стучит о край. — Так забавно читать Герои там всегда знают, кто враг, а кто друг. Прямо как по этикеткам: на одном написано «злодей», на другом — «герой», и ни тебе двусмысленности, ни тебе подвоха.

— А в жизни не так., — вздыхает Агата и вздох этот исходит из самых глубин, где прячутся все подростковые сомнения.

— Не так, — согласилась мать. — Хотя иногда хочется, чтобы было проще. Посмотрел на человека — и сразу понятно, стоит ли доверять. Вот он — надёжный, как старый дуб. Или вот он — опасный, как ядовитый гриб.

Из-под потолка доносится скептическое шуршание. Шурш явно хочет сказать что-то про «наивную молодежь». Но я его опередил:

— Особенно когда враг стоит на пороге с букетом ромашек и просит «чайку попить, замёрз что-то». И улыбается так искренне, что сразу понятно — ничего плохого не задумал.

Татьяна вздрагивает, хотя не слышит меня, и крепче сжимает ложку, а Агата прячет улыбку в край кружки, но глаза у неё становятся живыми, блестящими

Ночью она снова сидит над конспектами. Я устраиваюсь

на подоконнике, наблюдая за пустынной улицей, где жёлтые фонари рисуют на асфальте неровные круги, а тишина такая плотная, что слышно, как где-то далеко лает собака. Шурш тихо скрипит балками где-то в стенах — проверяет контуры перед сном, перебирает невидимые нити защиты и время от времени недовольно цокает.

— Не спишь? — спрашивает Агата, не отрываясь от записей. Карандаш в её пальцах двигается быстро, уверенно, оставляя на бумаге строчки, похожие на заклинание

— Я призрак. Я вообще редко сплю.

— Спасибо, что сидишь рядом.

— Не обольщайся. Просто слежу, чтобы ты опять не сидела до рассвета. А то смешаешь потом лаванду с перцем, и у нас вместо успокаивающего отвара получится средство для экстренного прочищения носа.

Она рассмеялась и вернулась к записям.

Уже проваливаясь в легкую дрему, я услышал ее тихий вздох.

— Моррис — Агата смотрела в тёмное окно, где за стеклом отражалась её собственная бледная фигура. — Сегодня, когда мы закрывались, я видела кого-то странного.

— Кого именно? — Я приоткрыл один глаз. — Если нашего соседа дядю Толю с вечным вопросом про приворотное зелье, то я уже в курсе.

— Нет, — помотала головой Агата, и прядь волос упала на глаза. — Парня. Стоял на той стороне улицы, у фонаря.

Просто смотрел на лавку. Минут пять, не меньше. Потом засунул руки в карманы и пошёл в сторону старого моста.

— И что тебя смутило? Может, просто заблудился? У нас тут городок, все друг друга знают, но чужаки иногда заходят — туристы, там, или грибники.

— Он был в одной толстовке, а вечером же холодно. И ещё — она морщит лоб, подбирая слова. — Когда отошёл от света, мне показалось, что за ним кто-то идёт. Может, конечно, показалось

Я задумался. Кончик хвоста чуть дернулся, но он у меня всегда ведёт себя как хочет, особенно когда я волнуюсь.

— Лицо разглядела?

— Только силуэт. Высокий, широкие плечи. Молодой вроде. Волосы светлые. И слегка прихрамывает.

— Нет, — она качает головой. — Только силуэт. Высокий, плечи широкие. Вроде молодой. Волосы светлые. И чуть прихрамывает — он когда пошел походка такая..

— Молодой, — я помолчал, прикидывая варианты. — Ладно. Если он появится снова, скажешь. У меня на лица память плохая, зато на запахи и повадки отличная.

Она выдыхает — с облегчением, будто сбросила с плеч то, что не решалась сказать вслух. И возвращается к блокноту, но уже спокойнее.

Я зевнул и закрыл глаза, но сон не шёл. Что-то мне не нравилось в этой истории с незнакомцем. В нашем городке случайных прохожих не бывает — каждый друг друга в ли-

цо знает, даже те, кто живёт на окраине. А тут — молодой, хромающий и в лёгкой одежде, да ещё и с тенью за спиной

Надо будет завтра Шурша расспросить. Хранитель дома должен чувствовать чужаков на подходе к их владениям.

Глава 2

Утро в лавке начинается одинаково: Лидия перебирает сушёные корни в подсобке, перед ней раскрыт грессбух с заказами на сегодня. Вечером они с Агатой заряжали амулеты, а настои и сборы Лидия решила сделать с утра, до открытия, пока клиенты ещё не начали осаждать порог.

В комнате плывёт запах лаванды, чабреца и ещё чего-то неуловимого — того самого, что возникает только когда Лидия творит заговоры, и этот запах щекочет ноздри даже мне, призраку, хотя по идее у меня вообще не должно быть ноздрей. Не знаю, как люди, но для меня любая магия пахнет по-своему: любовный приворот отдаёт сладкой горечью, защитный круг — металлом и озоном, а заговор на сон — старым одеялом и молоком.

Я устраиваюсь на подоконнике с видом повелителя вселенной и наблюдаю за улицей. Небо сегодня серое и плотное, как старое одеяло, которое прабабка завещала ещё в позапрошлом веке, — явно будет дождь, и не просто дождь, а тот самый затяжной, противный, когда вода просачивается даже сквозь закрытые окна и оседает испариной на стёклах, залеживает в углы и заставляет Шурша ворчать громче обычного.

Терпеть не могу дождь.

Сырость — это когда шерсть, будь она материальной, слипается, а так — просто мерзко на душе. Лучше уж зима, ко-

гда всё честно замерзает, или лето, когда можно греться на подоконнике, не боясь, что сквозняк пронесёт тебя сквозь стену. Всё лучше вместо этакой скукоты

— Моррис, слезай с подоконника, — говорит Лидия, выходя из подсобки с охапкой сушёной полыни. — Клиенты увидят твои отпечатки на стекле и решат, что у нас кот.

— У вас и есть кот, — напоминаю я, послушно перебираясь на прилавок. — Просто мёртвый. Это придаёт заведению шарм, между прочим. Не в каждой лавке есть персональный призрачный хранитель.

Я гордо вытягиваюсь

— Ещё хуже, — буркает она, раскладывая полынь по бумажным пакетам. — Живой кот хоть мышей ловит и не философствует на тему бытия.

Я не отвечаю. Следов я, к слову, не оставляю — если сам того не захочу, могу даже в розетку залезть и не закоротить. Но Лидии проще думать иначе, что я оставляю разводы на стекле. С Лидией вообще проще соглашаться, чем спорить.

Из-под половицы доносится скрипучее, как старая дверь на ржавых петлях:

— А я говорил: надо было кота живого завести. Живые хоть мышей ловят, а от этого только шум и никакой практической пользы.

— Я лучше любого живого кота, — возмущаюсь я. — И мышей бы ловил, если бы они тут водились.

— Мыши умные, — хихикает Шурш. — От призраков

удирают быстрее, чем от химии.

— Ба, тебе помочь? — кричит Агата, заглядывая в дверь с растрёпанными волосами, которые она так и не причесала после сна. Ей дали задание прополоть огородик за лавкой, где растут особо редкие травы, сорняки же лезут как на дрожжах. Она это дело не жалует, но из двух зол — сад или переписывание конспекта по лунным фазам — выбрала меньшее, то бишь землю.

— Нет, занимайся, — отзывается Лидия, не поднимая головы. — Потом тему повторим, с тебя взаимодействие воды и огня в настояках.

А я говорил, что так и будет.

Агата закатила глаза, сдёрнула с полки садовые ножницы и исчезла за домом.

Через полчаса она вернулась — руки в земле по локоть, на щеке грязный развод, в волосах застрял сухой листок. Вымылась у раковины, буркнула что-то про «сорняки бессмертные» и уселась на подоконник с конспектом. Тема сегодня — «Взаимодействие лунных фаз с травяными настоями». Тоска зелёная. Я бы на её месте лучше почитал про взаимодействие подростков с домашними обязанностями, но кто меня спросит.

В половине десятого звякнул колокольчик — и я узнал посетительницу ещё до того, как она открыла рот. Маргарита Степановна, бывшая учительница музыки, ныне пенсионерка с активной жизненной позицией и не менее активным же-

ланием всё контролировать включая кошек, мужа и внуков. Сегодня в новом розовом пуховике, который делает её похожей на ожившую зефирку, причёска уложена с такой тщательностью, что ясно: человек готовится к важному событию

— Лидия Петровна, здрасте! — прощebetала она, отряхивая с рукавов несуществующую пыль. — Есть у вас что-нибудь от волнения? Завтра внук женится, а я боюсь, что разревусь на весь ЗАГС, как та норовистая корова. Навзрыд, представляете?

Лидия оглядела её поверх очков:

— Пустырник с мелиссой. Три капли под язык за полчаса до росписи. Но плакать всё равно будете, Маргарита Степановна.

— Ой, а что ж делать-то? — всплеснула руками Маргарита Степановна, и браслеты на её запястьях зазвенели, как колокольчики

— Гордиться. И красивый платок носовой взять.

Следом ввалился дядька, от которого пахло знакомым: старая кожа, табак и мазь из лавки. Николай с Верхних выселок. Спина у него болела всегда, к врачу не ходил принципиально, а к Лидии — с удовольствием: «После вашей мази я как огурчик, честное слово». Сегодня огурчик выглядел помятым — кряхтел и держался за поясницу.

— Опять? — спросила Лидия.

— Дак огород же, — Николай виновато развёл руками, и в глазах его мелькнуло что-то похожее на детскую обиду. —

Вчера в дом захожу — мазь-то кончилась, а я как без рук. Дайте ещё баночку, а то картошку не выкопаю.

— В больницу вам надо. — отрезала Лидия, плотно закручивая крышку небольшой банки. — И в огороде поменьше копать.

— Да как же без огорода-то А больница — это день потерять, там очередь, там анализы — покачал он головой, принимая баночку и заворачивая ее в какую-то тряпку, — Благодарствую.

Потом забежала Катерина из дома напротив — молодая мама с младенцем в жёлтом комбинезоне. Пахло от неё недосыпом, грудным молоком и слабым настоем фенхеля, который она, видимо, пыталась применять сама, но потерпела фиаско. Лидия молча выложила на прилавок пузырёк укропной воды, мешочек с заговором на младенческий сон и сухую ромашку для ванночек. Катерина выдохнула — будто ей не травы дали, а билет в санаторий.

— Ты хоть спишь? — спросила Агата, оторвавшись от конспекта и в голосе её послышалась искренняя жалость, смешанная с ужасом перед будущим.

— В перерывах, — слабо улыбнулась Катерина. — Спасибо, девочки.

Агата проводила её взглядом, полным смеси любопытства и сочувствия, и что-то пометила в блокноте. Спорим, вечером будет выяснять у Лидии состав заговорённого мешочка.

Наступила пауза — та самая редкая минута, когда в лавке

никого нет, и можно перевести дух. Я перебрался с подоконника на прилавок, с прилавка — на стул для посетителей и свесил хвост.

Солнце наконец просочилось сквозь низкие облака и заплясало в пылинках, которые кружились в воздухе, как пьяные мотыльки, и от этого в комнате стало почти уютно.

Из-под пола раздалось задумчивое:

— Вот раньше люди с головной болью по лавкам не бегали. Болит голова — значит, думал лишнее. Ложись спать и не выдумывай. Или работай. Когда работаешь, думать некогда.

— А сейчас? — спросил я, заранее зная ответ.

— А сейчас думать не перестают, а спать не хотят. И удивляются ещё.

Пока он ворчал, зашла последняя перед обедом — баба Нина, соседка с соседней улицы. Маленькая, сухонькая, в платке, завязанном под подбородком так туго, что, кажется, она сама себя держит в руках. Пришла за травами «для сердца и нервов одновременно».

— А нервы от чего? — спросила Лидия, взвешивая пустырник.

— От жизни, — вздохнула баба Нина. — — Зять у меня — золотой человек, правда. Но когда он дома, я вся как натянутая струна — только он шаг ступит, а у меня уже сердце в пятки уходит. Уходит — отпускает. И все говорит, говорит... А что говорит — непонятно. — старушка достала кошелек, такой же старенький как она сама. — Сделай мне такой

сбор, чтобы золотого человека в доме выдерживать.

— Сделаю, — кивнула Лидия. — И совет бесплатный: не держите в себе. Скажите, что вам тишина нужна а не его разговоры о политике.

— Обидится, — покачала головой баба Нина, и платок на ней дрогнул.

— Обидится.

— Не обидится. Он же золотой.

Баба Нина усмехнулась, забрала пакетик и ушла, качая головой — то ли в знак согласия, то ли в знак того, что ничего не изменится.

Когда дверь за ней закрылась, и колокольчик звякнул на прощание, Агата потянулась так, что хрустнули плечи, и спросила с неподдельным любопытством:

— Мне кажется, или они все жалуется на одно и то же? Нервы, спина, давление.

— Не на одно и то же, — возразил я. — А на жизнь. Просто у каждого она болит по-своему.

— Философ, — скрипнул Шурш из стены. — Хвостатый Шопенгауэр.

— Завидуй молча.

Агата подошла к прилавку и заглянула через плечо бабушки в гроссбух.

— Всё те же проблемы, всё те же отговорки, — задумчиво сказала она, листая страницы и водя пальцем по строчкам. — Люди не меняются, бабушка. Те же жалобы, что и сто лет

назад.

— Ещё как меняются, — возразил я с умным видом. — Раньше говорили «знахарка» и крестились, теперь — «натуропат» и лайкают в соцсетях. Раньше «порча», теперь — «энергетический сбой». Суть одна, а упаковка разная, как у конфет.

— Слова другие, суть та же, — заметила Лидия, перевернула гроссбух и вдруг строго глянула на внучку, которая стояла, согнувшись над прилавком в три погибели. — Не горбись. Нормально спросить не можешь, когда что-то хочешь узнать?

Агата выпрямилась, как солдат по команде «смирно», и в глазах её мелькнул испуг, что бабушка сейчас закатит лекцию о правильной осанке.

— Да всё понятно, ба.

— Раз понятно, расскажи-ка, что входит в заговор для сна. — Лидия закрыла гроссбух и скрестила руки на груди, приготовившись слушать.

Агата задумалась. Этого они точно ещё не проходили, но Лидия иногда устраивала такие мозговые штурмы — чтобы внучка училась анализировать.

— Лаванда, мелисса... — она подняла глаза к потолку и, видимо что-то вспомнив, уверенно продолжила: — Полынь, рябина... чертополох?

Лидия кивнула и потянулась к полке, где лежал её гримур.

— В целом, верно. Состав длиннее, может меняться. Почему?

— Зависит от задачи, цели, времени... — Агата выпалила это так, будто сдавала экзамен, и даже щёки у неё порозовели.

— И возраста, — добавила Лидия. — Да, всё так. — Она открыла старую книгу. — Вот заговоры. Учи. Переписывать не дам.

Я тут же переместился на плечо Агаты — в прямом смысле, мои полупрозрачные лапы упёрлись ей в ключицы, и я сунул нос в книгу, от которой разило столетиями и затёртыми пальцами. Интересно же! И магия от неё пахла так вкусно, что хотелось лизнуть страницу, хотя я и без того знал, что вкус будет напоминать пыль и чернила.

— Не подглядывай, — Агата дёрнула плечом, пытаюсь скинуть меня.

— Я призрак. Мне положено подглядывать, — парировал я с достоинством. — В должностной инструкции записано.

Ближе к вечеру, когда солнце уже начало клониться к закату и лавка начала погружаться в полумрак, зашла женщина с необычным запросом, от которого даже я наострил уши.

— Лидия Петровна, а у вас есть что-нибудь чтобы муж в телефоне меньше сидел? — спросила она с такой интонацией, будто просила яд.

Лидия замерла посреди движения, держа в руке пучок мяты.

Я привстал, потому что редко её застают врасплох — обычно она на любой вопрос отвечает без запинки.

— От игромании? — уточнила она, медленно опуская мяту на стол.

— Не только. Он из телефона вообще не вылезает — утром новости, днём ролики, вечером игры, ночью лайки. Я с ним уже неделю нормально, по-человечески, поговорить не могу: он только «угу» и «потом».

— А вы пробовали просто забрать телефон? — съязвил я, хотя никто меня не слышал. — Или роутер выключить и сказать, что магия кончилась?

Лидия, разумеется, сделала вид, что меня нет, но сказала почти то же самое, только вежливее:

— Попробуйте для начала договориться. Полчаса утром на новости, час вечером на отдых, а в остальное время — семья и живые разговоры. Иногда это работает лучше трав.

— Договаривались уже, — женщина вздохнула с безысходностью. — Он кивает, улыбается — и опять за своё, как только я отвернусь.

— Тогда вам, извините, не травы нужны, а семейный психолог. Или новый муж, — отрезала Лидия, но тут же смягчилась и потянулась к полке с наборами для чая.

Женщина вздохнула. Но травы всё же купила — «хотя бы для успокоения нервов».

Я проводил её взглядом и обратился к Шуршу:

— Вот видишь, а ты говоришь, люди не меняются. Рань-

ше мужики в кабаке сидели, теперь в телефоне. Те же яйца, только в профиль. Прогресс, называется.

— Это не прогресс, — проскрипел хранитель откуда-то из-под потолка. — А дег-ра-дация. В кабаке хоть с живыми людьми общались, а тут — с бездушным стеклом.

Агата рассеянно глянула на меня и перевела взгляд на окно. Я тоже посмотрел. За окном начало темнеть, вдоль улицы один за другим зажигались фонари, их желтоватый свет дрожал в мокром асфальте, и от этого улица казалась уютнее, чем была на самом деле. Проехал автобус, и снова всё стихло.

— Нет там никого, — я уселся и обернул лапы хвостом. — Я бы почувял.

— Да, вижу, — но она продолжала смотреть в темноту, и я ещё раз осмотрел окрестности: в соседнем доме загорелись окна, Лидия включила свет в лавке, и на стекле отразились наши расплывчатые силуэты.

Я решил подкинуть Агате работы, чтобы отвлечь её от призрачных незнакомцев:

— Может, поможешь бабушке с порядком? А то стоишь как памятник самой себе.

— Я думаю, — огрызнулась она, но в голосе не было злости — скорее усталость.

— О чём?

— О разном.

— Ага. О разном светловолосом и прихрамывающем, —

связа́вил я, и она покраснела до корней волос, схватила тряпку и демонстративно принялась вытирать подоконник с таким усердием, будто готовила его к хирургической операции.

Но от окна так и не отошла — вытирала одно и то же место с упорством, достойным лучшего применения.

Ближе к закрытию в лавку заглянула Татьяна — уставшая, с пятнами клея на пальцах, которые въелись под ногти, и запахом старой бумаги в волосах, смешанным с типографской пылью. Она выглядела так, будто провела день не в мастерской, а в подвале, где хранились столетние архивы, и даже походка у неё была слегка шаткой.

— Мам, у нас есть что-нибудь от запаха? — обратилась она к Лидии, и голос её звучал глухо. — Принесли сегодня книгу семнадцатого века. Пахнет так, будто её сто лет в подвале держали, с мышами и плесенью. А завтра заказчик должен зайти.

Я зевнул. Если семнадцатого, то могли и двести держать, кто им запретит.

— Шалфей и мята, — не задумываясь ответила Лидия, уже протягивая руку к полке. — Разложи рядом с книгой, но не на страницы — пятна могут остаться, испортишь работу. И проветри комнату как следует, открой окна настежь, даже если холодно.

— Уже проветриваю, — Татьяна провела рукой по лбу. — Но запах въедливый. Будто книга не просто отсырела, а...

— она поморщилась, подбирая слова, — будто в ней что-то неприятное осталось.

— От старых книг всякое может исходить, — кивнула Лидия, отвешивая травы на старых медных весах. — Не только запах пыли и чернил. Люди читают, переживают, оставляют эмоции на страницах, как отпечатки пальцев. Накапливается за века, особенно если книга была дневником.

Я переступил лапами и ткнулся носом в джинсы Татьяны, принюхиваясь. Никакой неприятной магии, только старая бумага, клей и пыль. Я чихнул.

— Что за книга-то? — спросила Агата, отвлекшись от окна, и добавила тихонько, — будь здоров.

— Дневники помещика какого-то, — Татьяна пожалала плечами, сделав вид что не заметила последних слов дочери. — Хозяйство, расходы... обыденно. Но почерк странный: то аккуратный, то будто в лихорадке писал. И чернила местами расплылись.

— От сырости? — уточнила Лидия.

— Не знаю, — Татьяна развела руками, и клей на пальцах блеснул в свете лампы. — И нескольких страниц не хватает, вырваны прямо у корешка. Вот как так можно с книгой-то — пожаловалась она.

— Вырванные страницы? — я поднял голову на Татьяну — Да сколько угодно. Люди вечно что-нибудь выдирают из старых книг: кому на заметку, кому на растопку, кому картинка понравилась. Удивительно, что не половину.

Агата покосилась на меня, но промолчала.

— Работать с ней неприятно, — тихо добавила Татьяна, прижимая пакетик с травами к груди. — Будто кто-то через плечо смотрит.

Лидия нахмурилась:

— Защиту поставила?

— Зачем? Я же не...

— Татьяна, — голос Лидии стал строже, — ты от дара отказалась, но голова-то на плечах осталась? Старые вещи накапливают энергию. Особенно те, куда много эмоций вложено. Хотя бы простой контур.

— Хорошо, — тихо согласилась Татьяна, потирая глаза. — Что-то я... наверное, просто переутомилась.

— Держи, — Лидия протянула ей тонкий браслет, сплетённый из разноцветных нитей с мелкими камушками, которые тускло мерцали в свете лампы. — Это защитный амулет. Магии от тебя не требует, сам сработает, если что-то пойдёт не так. Перчатки, надеюсь, есть?

— Есть, я их всегда надеваю на работу, — Татьяна взяла браслет и надела на запястье с почти благоговейной осторожностью. — Не настолько я ещё поглупела

Лидия промолчала.

Татьяна ушла, унося травы. Я посмотрел ей вслед и задумался.

Вырванные страницы — дело житейское, всякое бывает. Но вот что интересно: Татьяна — человек неударённый и

обычно к таким вещам глуховата. А тут — «будто кто-то смотрит».

Может, просто книга старая, рассохлась, плесень где-то завелась — вот и мерещится. А может, и правда что-то в ней застряло: люди веками в дневники такое выливают, что бумага пропитывается. Не магия даже — так, остаточный след. Как запах духов, который держится в шкафу ещё месяц после того, как флакон убрали.

— Эй, Шурш, — позвал я. — Ты что-нибудь чувствуешь? странное?

— Я всегда чувствую странное, — проворчал дом откуда-то сверху. — Вопрос в том, какую именно странность ты имеешь в виду.

— Ну вот книгу Татьяне принесли. Она говорит — неприятная.

— Может, просто осень, — раздраженно предположил Шурш, и в его голосе послышалась усталость четырёхсот лет. — Время года дурацкое. То дождь, то солнце, то ветер. Людей штормит, вот и придумывают себе страхи. Книга — она и есть книга.

— А если он не в книге, а в доме? — спросил я, прищурившись.

— Тогда бы я его уже выгнал, — отрезал Шурш. — Ты слишком много думаешь, Моррис. Это от безделья. Лучше бы мышей проверил, а то они опять грызут провода в подсобке.

Я хмыкнул. Возможно, он прав, и я накручиваю себя. В конце концов, у нас тут не детективное агентство, а лавка трав, и если каждой странности уделять внимание — никаких нервов не хватит, даже если ты призрак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.